

Анна Савченко

Есть ли у обиды право на тебя

Анна Савченко

Есть ли у обиды право на тебя?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70602127

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда темно, уныло и безлико, порой бывает так сложно на носочках, в полной темноте, добраться до выключателя и нажать заветное "вкл". Пусть сборник моих рассказов станет той самой доброй кнопкой, пробуждающей свет, надежду и самые теплые чувства. Сборник будет постепенно пополняться и обрастать новыми рассказами. Буду рада читателям и вашей обратной связи!

Анна Савченко

Есть ли у обиды право на тебя?

Густое свинцовое небо пошло трещиной, из которой тут же неуверенным робким взглядом показалось сентябрьское солнце. Дождливый фронт, вот уже три дня докучавший жителям города О., наконец оставил свои измокшие права и скрылся далеко за рекой. Улицы города, умытые и блестящие, стали оживать, приглашая своих прохожих к обычной жизни.

Вот только Женя, прикрываясь зонтом как щитом, не замечает, что больше в нем надобности нет. Зонт не мешает ей, ведь есть кое-что другое, что являет собой гораздо большую тяжесть.

Женя несет в себе неопровержимое право обижаться. С ней поступили грубо, резко, бесцеремонно. И ведь кто? Самый близкий человек! – перед которым, как известно, ты

еще более уязвима, ведь душа твоя рядом с ним – нараспашку.

Вот уже как неделю Женю снедает обида, тяжеловесная, всеобъемлющая, неподъемная. Как вялотекущая, но отнимающая силы болезнь, как бескомпромиссный властный подселенец, она захватила Женины просторы души. Ты, читатель, наверняка, знаешь, как это бывает: не видишь взглядом, но всем сердцем чувствуешь его тягостное, отравляющее все вокруг присутствие. С ним, как с непрошеным, мучительно-неприятным гостем, сложно наслаждаться любимым домом. Все становится невкусным, искаженным, раздражающим. Жить с ним в одном пространстве невозможно, но и как выдворить – непонятно.

Да нет же, кажется, ничего действительно дурного не произошло... Или все же произошло? Почему тогда так мерзко и тягостно на душе? Как разобраться? Как себе помочь? Чем больше Женя смотрела в свою обиду, тем решительнее та раздувалась, заполняя собой и разум, и чувства. Посмотри, какая я большая! Посмотри, как тебя обидели!

Куда же идет со своей обидой Женя? Выносить себя, со всей этой внутренней разъедающей чернотой, ей больше немоготу. Дурно, тошно от всего, а от самой себя – особенно.

В церкви тихо, спокойно, в разгар рабочего дня – никого. Лишь чуть слышно, как в свечной лавке хозяйничает свечница, пожилая с добрыми васильковыми глазами женщина. Женя думает о том, что когда-то уже видела такие фиалки во взгляде, но мысль, не задерживаясь, быстро покидает ее – другое просит ее внимания.

«Господи, прошу, помоги! Вот, пришла к тебе, такая растрёпанная, еще и с мокрыми ногами... Прости меня! А на самом деле с непосильной тяжестью в сердце. Ты и сам, Господь, все про меня знаешь. Оказывается, я плохо умею прощать. Оказывается, в сердце моем мало место для любви и прощения. Как легко разгоняется поезд дурных мыслей о других и как сложно его потом остановить. Как легко начать видеть только плохое и как сложно после продолжительной темноты широко открыть глаза и увидеть свет. Сама я, Господи, не справляюсь. Прошу, укрепи мой дух, помоги избавиться от обиды, от этой черноты, что разъедает меня изнутри. Помоги не утонуть в этом болоте. Очисти мой разум и освободи сердце от обид. Прости мою слабость, мои нехорошие и тяжелые мысли. Укрепи нас по отношению к друг другу...»

Женя все шепчет и шепчет слова, водопадом изливающиеся из глубин исстрадавшегося ума и сердца. Но не будем

вторгаться в таинство ее молитвы, оставим беззвучным и сокровенным все остальное.

Когда Женя выходит на улицу, робкие бледные лучи, еще недавно с трудом пробивающиеся сквозь небесные расщелины, выросли в большое яркое солнце. Женя стоит на паперти, снимает с головы платок, придерживая другой рукой зонт, почему-то теперь такой громоздкий и тяжелый. А через мгновение замечает пеструю клумбу маргариток, мимо которой равнодушно прошла полчаса назад. Маргаритки, к счастью, не обиженные ни продолжительным дождем, ни Жениным невниманием, весело поглядывают по сторонам. Но Жене отчего-то кажется, что вся радость их цветочной жизни обращена именно к ней.

«А хотел ли этот человек действительно меня обидеть? Да, так случилось, но желал ли он мне осознанно зла в тот момент? Хотел ли моих страданий и переживаний?.. Или попросту допустил обычную человеческую нетерпимость, обернувшуюся грубостью и несдержанностью? Да разве желает он мне плохого? Ведь очевидно, что нет! А сколько я причинила себе реального зла, смакуя да разглядывая свою обиду? Почему же я раньше не догадалась задать себе эти простые вопросы?»

Еще в детстве Женина бабушка, попутно собирая сливу и ловко отправляя ее в корзину, сказала: «Женя, внученька, в жизни будет всякое и со всяким придется справляться. Но с чем не справляешься – то носи к Богу».

– Как это бабушка?

– Через молитву, через покаяние. Через обращение к Богу. Делай то, что по-человечески можешь сделать сама. А Богу оставь и доверь то, что по-человечески сделать у тебя не получается.

Тогда Женя, в ту пору еще десятилетняя девочка, осторожно подумала, что было бы неплохо попросить Бога помочь ей управиться с грядущей контрольной по математике, потому что «по-человечески», то есть Жениными силами, справиться с этой напастью было решительно невозможно.

Сейчас Женя, уже тридцатилетняя, такая взрослая и статная, оставив далеко позади тревожные контрольные, досаждающих дворовых мальчишек, впервые разбитое и выпотрошенное девичье сердце, в который раз принесла и доверила свою слабость. И оттого стала еще крепче. И, как всегда, получила самый правильный ответ.

Женя идет и вспоминает о том, что последний раз видела

такие добрые глаза цвета васильков у своей бабушки.